

Г. Е. Скоров. *Французский империализм в Западной Африке*, М., 1956, стр. 222.

Советские читатели проявляют глубокий интерес к событиям, развертывающимся в послевоенный период в Африке. Эти события неопровержимо свидетельствуют о том, что господству империализма на африканском материке приходит конец, что распад колониальной системы захватил уже и Африку. Между тем книги на русском языке, посвященные Африке, жизни ее народов, насчитываются единицами. При этом одним из наименее освещенных в нашей литературе районов оказалась Западная Африка вообще, французские колонии ее — в частности. Книга Г. Е. Скорова, посвященная показу политики французского империализма в Западной Африке, заполняет существенный пробел в советской литературе.

В своей работе автор столкнулся с серьезными трудностями. Одна из них — недостаток доброкачественных источников, главным образом статистических материалов по французским колониям. Другая заключается в неразработанности многих важнейших проблем развития экономики и общественных отношений на материалах Западной Африки. Книга Г. Е. Скорова является первым трудом в этой области и, как всякая первая работа, одни вопросы освещает более полно, в других — дает первые наброски решений, третьи — лишь ставит перед читателем.

Автор книги — экономист и, естественно, вопросы экономики занимают центральное место в работе. Однако содержание книги гораздо шире. Она дает интересный материал по национальным организациям и национально-освободительному движению, по вопросу о колониальном разделе и этническом составе населения, по методам и формам политического порабощения народов Западной Африки.

Наиболее полно в работе освещен круг вопросов, связанных с определением экономической роли Западной Африки в системе колониальных владений Франции: Западная Африка как источник сырья и рынок сбыта; Западная Африка как сфера приложения капитала. На большом материале, собранном по крупицам, автор показывает, как французские монополистические компании, словно щупальцы гигантского спрута, присосались к экономике страны, извлекая баснословные прибыли. В работе отмечена и специфика эксплуатации колоний французским ростовщическим империализмом, вкладывающим капиталы преимущественно в торговлю и искусственно задерживающим промышленное развитие этих районов Африки. За цифрами и таблицами автор не упускает из виду больших политических проблем современности, показывая на фактах проникновение американского капитала во французские колонии и нарастание межимпериалистических противоречий.

Всем этим проблемам посвящена первая глава работы, основная задача которой — показать, что дает метрополии эксплуатация западноафриканских колоний. Вторая глава книги ставит целью вскрыть, каким образом монополии осуществляют ограбление народов Западной Африки. Автор раскрывает особенности методов эксплуатации населения этих районов континента. Характерным для них является сохранение мелкого крестьянского хозяйства в качестве основы экономики страны и подчинение его нуждам монополии. В этой главе нашли освещение такие вопросы, как подчинение крестьянской экономики интересам колонизаторов путем внедрения экспортных культур, ограбление крестьян с помощью неэквивалентного обмена (монопольно низкие закупочные цены), политика экспроприации земель коренного населения, получившая распространение в послевоенное время, принудительный труд — одна из наиболее зверских форм колониального гнета, наконец, различные методы эксплуатации рабочего класса.

С фактами в руках автор показывает подлинную сущность политики французского империализма, сввергшего народы Западной Африки в бездну нищеты, физических и нравственных (расовая дискриминация) мучений. Уделяя основное внимание этой стороне колониального режима, автор отмечает и другую его сторону. В книге нашли отражение вопросы о том, какое влияние оказали колониальный режим и господство монополистического капитала на экономические отношения в самом африканском обществе, по какому пути пошло развитие народов Западной Африки под колониальным игом. Очень интересны данные о том, что внедрение монополий в экономику страны дает толчок развитию капиталистических отношений, что уже появились и развиваются классы капиталистического общества — рабочий класс и национальная буржуазия.

В стране, где подавляющая масса населения занята в сельском хозяйстве, центральным является вопрос о социально-экономических отношениях в деревне. Автор верно подмечает важнейшую особенность развития африканской деревни: сложнейшее переплетение докапиталистических укладов (пережитков родоплеменного, рабовладельческого, феодального) с растущим капиталистическим укладом.

Однако состояние источников не позволило автору дать более или менее полную картину развития общественных отношений. Многие вопросы остаются неясными. Мы позволим себе высказать в связи с этим некоторые наши соображения. Остановимся прежде всего на характеристике роли феодальных отношений в африканской деревне. Носителей этих отношений Г. Е. Скоров называет собирательным термином «феодално-племенная знать». Что подразумевается под этим термином, из работы остается неясным. Традиционные власти (родоплеменная верхушка), как показывает сам автор в главе III, посвященной системе колониального управления, были низведены административной ролью низовых чиновников колониального аппарата, состоящих на жаловании и перемещаемых с места на место (часто в другие этнические массивы).

В книге указывается, что «вожди» не пользовались ни авторитетом, ни реальной властью в пределах племени. Читатель остается в недоумении, каким образом эти «вожди-чиновники в подобных условиях могли захватить право распоряжаться землей племени, получая от соплеменников своего рода «натуральную ренту» в виде подношений и используя их труд на своих полях («отрабочная рента» за право пользования землей). А ведь именно это и дает автору основание говорить о широком распространении феодального уклада в африканской деревне (стр. 93—95).

Нам кажется, что автору следовало бы при этом иметь в виду огромную роль и влияние жреческой верхушки в африканской деревне тех районов, где феодальные отношения к началу колонизации не успели сложиться. Именно в ее руках, по-видимому, и сосредоточивается реальная власть над землей и судьбами соплеменников. Именно она-то и является зачастую носителем тех отношений, которые автор называет «феодально-племенными».

Неопределенность терминологии и неотчетливость представлений автора о феодальных отношениях в Западной Африке проистекает из неразработанности вопроса об уровне общественного развития народов Западного Судана к началу колонизации. На стр. 93 рецензируемой работы говорится: «...ко времени империалистического раздела в большинстве районов этой части Африки еще не сложились развитые феодальные отношения». И далее: «Для Западной Африки в целом не характерно наличие класса крупных земельных собственников и феодальных латифундий, типичных для стран Востока» (стр. 94). Нам неизвестно, какие страны Востока имеет в виду автор, но дело в том, что феодальные отношения на Востоке (особенно в Юго-Восточной Азии) и отличаются тем, что там к началу колонизации не сложилось крупной феодальной собственности на землю, а права на поземельную ренту, являющуюся выражением феодальной власти над землей и податным населением, носили условный и часто временный характер (например, феодальные отношения в Могольской Индии, в средневековых государствах Индокитая, в яванских султанатах и т. д.). Несмотря на специфические формы, это был феодализм, и притом развитый феодализм.

И для Западной Африки вопрос о наличии и распространении феодальных отношений до колонизации нельзя подменять вопросом о существовании «феодальных латифундий». Их могло и не быть, а феодальные отношения в особых, характерных для этого района формах, имели место. Разработка проблемы общественного строя народов Западного Судана только началась, однако можно с уверенностью сказать, что Г. Е. Скоров ошибается, говоря, будто к началу колонизации феодальные отношения еще не сложились «в большинстве районов этой части Африки». Средневековые государства мандинго (Гана и Мали) и сонгаи (Сонгаи) охватывали огромный район от верховьев Нигера и Волты до среднего течения Нигера (включая всю большую излучину Нигера); в южной части большой излучины Нигера сложились государства моси (среди них ныне существующие Уагадугу и Ятенга); во Французской Гвинее на плато Фута-Джалон и Фута-Торо в конце XVIII в. было создано государство фульбе (имамат), распространившее власть на всю долину р. Сенегал; феодальные отношения сложились в районе расселения хауса и в своеобразных формах — у кочевых народов Мавритании и у туарегов; наконец, они, по-видимому, развивались и в Дагомее, на побережье Гвинейского залива. Мы еще плохо знаем характер общественных отношений в этих государствах и формы, в которые эти отношения укладывались. Многие данные говорят, например, о широком распространении рабовладения и большой его роли в жизни народов Западного Судана, а особенно таких государств, как Дагомея, хаусанские города-государства и т. д. Еще совершенно не исследован вопрос о том, какие изменения внесла колонизация в рабовладение и феодальные отношения. Однако бесспорным остается факт, что эти отношения существовали, а главное, что к началу империалистического раздела Западного Судана феодальные отношения приобретали там ведущую роль.

Классового общества, действительно, не знали народы средней полосы Судана, но следует подчеркнуть, что это наименее населенные районы Французской Западной Африки и не они определяют лицо страны. А для Западного Судана характерна именно высокая ступень развития общественных отношений задолго до колонизации. Ошибки, допущенные в этом вопросе автором рассматриваемой книги, лишний раз свидетельствуют о том, насколько назрела задача пересмотра давно сложившейся и устаревшей концепции о путях исторического развития народов Африки. Первая попытка такого рода была предпринята в томе «Народы Африки», но это только начало большой и важной работы.

Правильное понимание сути общественных процессов в африканской деревне невозможно без выяснения характера поземельных отношений, форм крестьянского землевладения и землепользования. Можно лишь пожалеть, что этих вопросов автор касается очень бегло.

Повторяем, однако, что едва ли мы вправе рассчитывать на то, что первая работа посвященная Французской Западной Африке, разрешит все проблемы, стоящие перед исследователем-африканистом. Важно, что книга ставит часть этих проблем и будит этим мысль других исследователей.

Несомненно большой удачей автора является последняя (IV) глава, посвященная национально-освободительному движению. Она — впервые в советской литературе — дает полную картину подъема антиимпериалистического движения во Французской

Западной Африке. Автор правильно подходит к анализу расстановки классовых сил в этом движении, намечая место и роль всех общественных групп: национальной буржуазии, рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Нельзя не согласиться с ним и в оценке деятельности РДА (Rassemblement Démocratique Africain — Демократическое Объединение Африки). Анализируя причины падения влияния этой организации, автор отмечает, что это связано с падением влияния буржуазии и буржуазной интеллигенции в национально-освободительном движении. Последний параграф этой главы «Рабочий класс в борьбе за защиту интересов всего народа» убедительно раскрывает важную и верную мысль автора: «перегруппировка классовых сил в последние годы показывает, что западноафриканский рабочий класс выдвигается в первые ряды национально-освободительного движения» (стр. 204).

Хочется пожелать Г. Е. Скорову, написавшему интересную и очень нужную книгу, чтобы он в дальнейшей работе вернулся к более углубленному изучению вопросов общественного развития народов Французской Западной Африки в условиях колониального режима.

А. Орлова

S. Pankhurst. *Ethiopia. A cultural history*. London, 1955, стр. 747.

Среди ряда новых книг об Эфиопии видное место занимает труд С. Панкхерст «Эфиопия. Культурная история».

Перу Сильвии Панкхерст принадлежит много книг, большая часть которых посвящена борьбе народов Эфиопии, Эритреи и Сомали за независимость¹. Новое произведение С. Панкхерст — обширный труд, в основном компилятивного характера, знакомящий мировую общественность с культурной историей Эфиопии. В книге использовано и довольно подробно процитировано большое количество источников, многие из которых для нашего читателя пока недоступны. Вся книга от первой до последней страницы проникнута глубокой симпатией автора к трудолюбивому эфиопскому народу. Автор стремится показать, что эфиопский народ создал богатую культуру, уходящую своими корнями в древность. Развитие эфиопской культуры с древнейших времен до наших дней освещается в книге на широком историческом фоне.

Книга, как указывает С. Панкхерст, рассчитана на широкий круг читателей, но она интересна и для специалистов — историков, этнографов, археологов и др.

1—5 главы посвящены древнейшим памятникам, в основном дохристианской Эфиопии. Автор довольно подробно рассматривает памятники аксумского государства (храмы, гробницы, остатки дворцов, монолиты, стелы с надписями), в том числе и новые находки, сделанные во время археологических исследований, производившихся в 1954—1955 гг. в районе гор Аксума археологическим отделением Эфиопской национальной библиотеки под руководством французского ученого Ж. Дорасса.

Главы 6—16 посвящены культуре христианской Эфиопии, начиная с IV в. н. э. (время принятия христианства) до нашествия галла и турук на Эфиопию в XVI в. Автор детально разбирает особенности эфиопской церковной архитектуры и критикует тех исследователей, которые стараются доказать, что эфиопская церковная архитектура создавалась целиком под влиянием либо коптской, либо греческой или византийской архитектуры. Панкхерст весьма убедительно показывает, что ряд элементов и деталей, свойственных эфиопской архитектуре дохристианского периода, или целиком, или в слегка измененном виде, вошел в архитектуру христианской Эфиопии. Эфиопский народ сохранил собственные приемы строительной техники.

Попутно сделаем одно частное замечание. С. Панкхерст предполагает, что в Эфиопии прямоугольные церкви предшествовали круглым. С этим нельзя согласиться. Повидимому, строительство тех и других шло параллельным путем. Форма церкви зависела от формы жилища. Там, где жители строили тукули — жилища круглого плана с конической крышей, там и церкви были круглого плана. А в тех местах, где получило распространение хедмо — жилище прямоугольного плана, — строили прямоугольные церкви.

Анализ эфиопской литературы IV—XVI вв. Панкхерст начинает с очень интересной характеристики эфиопских рукописей. Многие из них были в различные периоды истории вывезены из Эфиопии и в настоящее время хранятся в европейских собраниях: в Британском музее, Французской национальной библиотеке, Бодленской библиотеке, в Берлине, Вене, Франкфурте-на-Майне и других местах. По непонятным для нас причинам С. Панкхерст не упоминает о собраниях эфиопских рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и Рукописного отдела Института востоковедения Академии наук СССР. Как известно, сводный каталог этих рукописей,

¹ См. S. Pankhurst, *Ethiopian people: their rights and progress*, London, 1949; *British policy in Eastern Ethiopia*, L., 1946; *Ex-Italian Somaliland*, London, 1951; *Ethiopia and Eritrea: the last ten years of the Reunion struggle*, London, 1953.